

Юлия Качалова
АВИТАЛГЫК

Детям Крайнего Севера посвящается

В темноте танцует Влада. Глаза прикрыты, на губах блуждает улыбка. Она не слышит пьяной ругани, доносящейся из-за неплотно прикрытой двери, грохота падающих предметов, придушенных рыданий братишки. Накрыв голову подушкой, Колька изо всех сил вжимается в постель. Ему кажется, что в их с Владой комнату вползает чернильное тесто. Набухает от визгливых выкриков матери и бешеных ругательств отца и вот-вот дотянется до сестры. Облепит её худенькие ноги, полезет вверх, доберётся до лица, забьёт ноздри, уши, глотку, и Влада перестанет дышать. Как мальчик из её класса, который захлебнулся собственной рвотой, отравившись дурной водкой. «Влада!» — Колька не выдержал и заскулил, призывая старшую сестру, хотя знал, что Влада, когда танцует, не реагирует ни на что.

После того, как бабушка подарила сестре телефон, в который можно закачивать музыку, Влада не вынимала из ушей наушников. В них засыпала и просыпалась, завтракала и шла в школу. Вытаскивала только на уроках и сразу же всовывала обратно, едва раздавался звонок на перемену. Ни к кому и ни к чему сестра не была привязана сильнее, чем к напичканному музыкой телефону и наушникам. Их особенная ценность открывалась ей, когда родители были пьяны и начинали в смежной комнате выяснять отношения. Колька дрожал и страдальчески затыкал уши. А Влада танцевала под музыку, звучавшую из наушников, не реагируя на звуки внешнего мира.

Мать, после двух-трёх безуспешных окликов, вырывала у Влады телефон и, вопя во всю глотку, свирепо трясла дочь. Владина голова безвольно болталась, как у тряпичной куклы, и Колька боялся, что тоненькая шейка не выдержит, голова у сестры оторвётся и полетит в окно, как волейбольный мячик. Но голова оставалась на месте, вопли и тряску сестра носила безропотно.

Однажды, когда мать уже сильно набралась, ей зачем-то понадобилась Влада.

Колька слышал раздражённый голос матери, и подёргал сестру за рукав, но та отмахнулась. Влада всё ещё танцевала, когда взбешённая мать с рёвом грузовика вломилась в их комнату, вырвала у неё телефон, швырнула на пол и принялась яростно топтать, Влада уставилась на мать так, словно видела её впервые. Отёкшее лицо, заплывшие щели глаз и пуговица носа, вдавленная меж пространствами толстых щёк. Открывающийся и закрывающийся рот, лишённый трёх передних зубов, с обиженно выпяченной нижней губой. Бесформенное тело втиснуто в халат, покрытый бурыми винными пятнами. Короткие толстые ноги в посеревших от въевшейся пыли сапогах поднимаются, словно в замедленной съёмке, и опускаются грубой подошвой на беззащитный телефон. Топчут, крошат. Владе кажется, что это не её мать, а чудовище, обезобразившее знакомый облик. И не телефон оно топчет, а Владину жизнь. Чёрный зёв выкрикивает не бранные слова, а призывает духа смерти. «Авиталгык», — шумит в голове Влады, и всё внутри смерзается.

Больше мать не слышала голоса дочери. В школе Влада с того дня тоже не произнесла ни единого слова, и её перевели в коррекционный класс как подростка с отставанием в развитии. Колька знал, что никакого отставания у Влады нет. Если сестра хотела, то разговаривала, как все. Но больше молчала, говорила лишь с Колькой, да с бабушкой. «Я в это время выключаю музыку», — объясняла Влада.

Лишившись телефона, сестра научилась включать внутреннюю музыку. Теперь ей не требовались наушники, в голове беспрерывно что-то крутилось, и Влада танцевала, ведо́мая ей одной слышимыми ритмами. Колька давно к этому привык и ничего особенного в поведении сестры не замечал.

Брат и сестра любили бывать у бабушки и иногда неделями оставались в её квартирке, где всегда было прибрано и уютно, к чаю их поджидало сладкое угощение, а на сон грядущий сказка. Больше всего Кольке нравилось слушать про то, как подлинные люди пришли на их землю.

— Расскажи ещё раз про Ворона, Волка, Оленя и Царь-рыбу, — упрашивал он, когда бабушка желала им с Владой спокойной ночи.

— А тебе не наскучила эта сказка, Кайкако? — хитро улыбалась старушка, попыхивая трубкой.

Колька отчаянно мотал головой. Бабушка называла его Кайкако, именем, которое сама же дала ему при рождении. В переводе имя означало «Маленькое удивление». Колька действительно родился гномиком в два кило, с глазёнками, округлившимися от любопытства при виде мира, в который он попал. Поначалу Колька и в школе называл себя настоящим именем, но очень быстро ребята из приезжих стали над ним потешаться. Учителя из приезжих тоже смущались, и общими усилиями Кайкако переименовали в Кольку. Так всем было удобнее, он не возражал. Даже родители и Влада именовали его Колькой, только не бабушка.

— Уж Владе точно эта сказка надоела, — с сомнением говорила бабушка.

— Не-е-а, я уже всё позабыла, — поддерживала игру сестра.

Колька мог поклясться, что ничего она не забыла, просто сказка очень нравилась им обоим. Выдержав паузу, бабушка начинала рассказ.

— В середине сурового края лежит заповедное озеро, самое глубокое из всех. Много рек впадает в то озеро, а какие-то берут из него начало. Озеро совершенной формы, и чище воды, чем в нём, вы нигде не найдёте. Однажды летом, что бывает в том краю всего месяц в году, собрались у камня, упавшего с неба, духи-хранители земли. С севера пришёл могучий Белый Волк, с запада прискакал Длинноногий Олень, скребущий рогами небесный

свод. С востока прилетел гигантский Ворон, а с юга приплыл Царь-Рыба. Духи-хранители раз в пятьсот лет собирались у камня, чтобы обменяться новостями.

— Сюда идёт человек, — сообщил Царь-Рыба.

— Он намеревается стать Хозяином нашей земли, — добавил Длинноногий Олень.

Чёрный Ворон коротко кивнул, подтверждая, что и он это слышал. Все обратились к Белому Волку. Тот долго молчал и, наконец, произнёс:

— Я не против человека, если он будет чтить наш закон.

Ворон, умевший прозревать будущее на двести лет вперёд, прикрыл веки.

— Я вижу пастырей оленьих стад и бесстрашных морских охотников. Тела их крепки, как горные кряжи, и столь же выносливы. Они презирают слабость и боль, терпеливы и упорны, преданы в дружбе, но не прощают обид. Они не убивают без надобности, забирают жизнь, только чтобы спасти жизнь.

— Это подлинные люди! — кивнул Белый Волк. — Пусть приходят!

Остальные духи-хранители согласились. Так на эту землю пришли наши предки. И стали называть себя луораветланы, что означает «подлинные люди».

***

Сейчас, когда бушевали за дверью пьяные родители, съёжившийся Колька цеплялся памятью за бабушкину сказку, словно за резиновый круг, который может спасти его от мерзости чернильного теста. Царь-Рыбу он представлял как большущего гольца. Колька невольно сглотнул, вспомнив вкус свежевывловленного гольца, с которого, если его подвесить, капает жир. Длинноногий Олень являлся ему в образе Влады. У сестры были длинные худенькие ножки, как у новорождённого оленёнка, и большие круглые глаза. Если бы Колька вздумал оценивать внешность сестры, то вынужден был бы признать, что Влада очень даже ничего. Но такая мысль одиннадцатилетнему мальчику в голову не приходила. Думая о сходстве сестры с Длинноногим Оленем, Колька невольно захихикал, представляя, как Влада скребёт ветвистыми рогами небесный свод.

На месте Белого Волка Колька видел Джипа. Пёс имел абсолютно белый окрас и ярко голубые глаза. Откуда он появился, Колька так и не узнал. Собак у них в посёлке всегда водилось во множестве — ездовые, звереющие от цепей в бесснежные месяцы; старые брошенные псы и собаки, отродясь не знавшие хозяина. Ночами вся эта братия грызлась, выла и раздражалась злобным лаем. В собачьи гетто с наступлением темноты люди не совались. Но шайки одичавших псов слонялись по посёлку и среди бела дня. Три года назад жертвой такой шайки едва не стал Джип.

Возвращаясь с рыбалки, Колька заметил белого щенка, вжимавшегося в стену их дощатого дома. На расстоянии прыжка от щенка стягивали кольцо бродячие псы. Шерсть у них на загривках стояла дыбом, уши прижаты, они угрожающе рычали, обнажая клыки. Было ясно: расправиться с малышом намеревались всерьёз. Колька поднял камень и метко запустил в одного из косматых бандитов. Ушибленный пёс взвыл, остальные растерялись. Дверь подъезда распахнулась. Сердито ругая собак, Колькина соседка замахнулась на них клюкой, и те предпочли убраться, забыв о несостоявшейся расправе. Щенок по-прежнему вжимался в дощатую стену. Присев на корточки, Колька протянул к нему грязную руку, и малыш благодарно её лизнул. Так он сделался Колькиным, и получил своё первое собственное имя. Щенок.

Бабушка посоветовала отдать его на обучение к деду Григорию, лучшему каюру¹ их

---

¹ Погонщик собачьей упряжки.

края. Внимательно осмотрев Щенка, дед признал в нём чистую породу и пообещал сделать из него жожака при условии, что Колька будет помогать. А мальчику только того и было надо!

Колька проводил со Щенком всё свободное время. Кормил его тем же, что ел сам. Варил для него зимнюю похлёбку по специальному рецепту Григория. С помощью бабушки и Влады шил ему алык². Дед помог Кольке смастерить из сломанной детской коляски тележку и научил запрягать в неё Щенка. Пёс и мальчик быстро сроднились и понимали друг друга без звука. Когда щенок вымахал в рослого красавца с густой белоснежной шерстью, дед Григорий начал ставить его в упряжку. Частенько дед брал на охоту и Кольку, вводя мальчика в тонкости каюрова искусства.

— Жожак в упряжке, как начальник у людей, должен уметь организовать работу, заставить упряжку бежать, куда надо, — наставлял Григорий. — С этим у твоего Щенка пока слабовато, больно молод. Но не лентяй и команды схватывает на лету. К чему у него врождённый талант, так это ориентироваться среди торосов. Он не сбивается с курса в пургу, точно родился со встроенным в мозг джи-пи-эсом.

Так, с лёгкой руки деда Григория, Щенка переименовали в Джипиэса, впоследствии усечённого до Джипа. В следующем году с помощью Джипа, ставшего вторым жожаком в упряжке, дед Григорий выиграл Большую Гонку и получил в качестве приза настоящий джип. Прямоком к семидесятилетию. На своём юбилее Григорий сказал:

— Эх, Кайкако, дотянуть бы мне до твоего совершеннолетия! Посмотреть, как вы с Джипом Большую гонку выиграете!

И у Кольки появилась мечта: стать таким, как дед — лучшим каюром края!

***

Накрыв подушкой голову, чтобы не слышать родительской брани, Колька думал о духе Севера. Вместо Белого Волка он видел Джипа, перепрыгивающего через трещины. И лишь на Чёрном Вороне Колькино воображение отдыхало. Дух Востока как две капли походил на обычного ворона, одного из тех, что деловито снуют по косе меж китовых останков, множащихся после каждого летнего промысла.

Родители за дверью уgomонились, и Колька выпростал голову из-под подушки. Влада залезла в кровать и, выгнувшись мостиком, вытряхивала набившиеся в постель крошки. Когда сестра затихла, расслабился и Колька. Постукивала дверь в смежную комнату, то приоткрываясь, то захлопываясь. Сильно сквозило, видно родители, уходя за очередной дозой, не заперли входную дверь, и с улицы задувало. Но мальчика это не тревожило. Главное, страшное чернильное тесто на время исчезло, и Колька мирно уснул.

Проснулся он резко, точно кто-то рывком выдернул его из объятий сна. Перед ним стояла мать. Колька точно знал, что это она, хотя такой её вживую не видел — лишь на сохранившейся у бабушки фотографии, где матери исполнилось пятнадцать, как ныне Владе. Мать-девочка посматривала на Кольку немного виновато, её губы пытались сложиться в неумелую улыбку, а ладони, сжимавшиеся у груди, выдавали беспокойство. Колька чувствовал, что она хочет сказать что-то важное, но у неё не получается. Отчего-то Кольке стало её жалко до слёз. Наконец, мать-девочка сумела произнести слово. Голоса её Колька не услышал, но по движению губ понял, что мать сказала. Живи!

***

Наутро брат с сестрой узнали, что осиротели. Первую неделю после смерти матери

---

² Собачья шлейка.

они провели у бабушки, а отчий кров превратился в сборище всех поселковых алкашей. На затянувшихся поминках отец пропивал деньги, копимые на телевизор (прежний уже год как разбили в одной из пьяных драк). Когда деньги кончились, отец куда-то исчез. С месяц о нём не было ни слуху, ни духу. Потом к бабушке явился участковый и сообщил, что найдено замёрзшее тело. На похороны ни Влада, ни Колька не пошли. Колька всё время после школы проводил с Джипом, а Влада неожиданно-негаданно влюбилась в Приезжего-парня-строившего-дорогу.

Парень покорила Владу множеством достоинств. И тем, что он приехал из далёкой страны, и умением класть грунтовку, и южными страстными взглядами, и пылкими поцелуями. А главное, дешёвым колечком, которое парень надел на безымянный палец её правой руки. Влада отключила внутреннюю музыку и перешла на новую программу — бесконечный диалог с Приезжим-парнем-строившим-дорогу. Она могла с ним общаться только мысленно, поскольку языка друг друга они не понимали. Но язык любви известен всем, и людям, и животным, и Влада трепетала от доселе неведомых ощущений. Она вернулась от бабушки в опустевший родительский дом. Иметь в своём распоряжении целую квартиру было большим везением, другие влюблённые парочки жались по подъездам. Кольке в отчем доме не нравилось, он оставался у бабушки, и это Владу весьма устраивало.

Недели три она не ходила по земле, а словно летала. Прозрение наступило столь же внезапно, как и любовное помрачение. На безымянном пальце правой руки Риты из одиннадцатого класса Влада увидела кольцо — в точности такое же, как у неё. Быстро сунув правую руку в карман, Влада дружелюбно заметила:

— Миленькое колечко. Давно носишь?

— Не-а, — степенно ответила Рита. — Недавно парень мой подарил. Он приезжий, строит у нас дорогу. Сказал, что мы скоро поженимся.

Ничего подобного Приезжий-парень-строивший-дорогу Рите, конечно, не говорил. Даже если бы и сказал, Рита его слов не поняла бы, поскольку языком приезжего владела не больше, чем Влада. Но так выглядело солиднее. Соврав, Рита мгновенно уверовала в истинность собственных слов. Поверила и Влада.

Её глаза застлало багровой пеленой, из которой материализовалась грузная фигура матери, втаптывающей в пыль и грязь Владину жизнь. В ушах застучало: «Авиталгык... авиталгык... авиталгык...»

Рита удивлённо спросила:

— Ты чего побледнела?

— Ерунда, всё нормально, — слабо отмахнулась Влада.

***

Кольку разбудило прикосновение к его лицу чего-то одновременно жёсткого и мягкого, тёплого и холодного. Он попытался осмыслить эту такую несуразность, но прикосновение повторилось, и Колька открыл глаза. На его кровати сидел большущий Чёрный Ворон и смотрел куда-то вбок. А жёстко-мягким и тепло-холодным было его крыло.

— Я — дух-хранитель, — сказал Ворон, и Колька не удивился. — Идёшь со мной?

Мальчик кивнул и сразу очутился в месте, которое прекрасно знал.

На склоне к заливу были свалены ржавые бочки. Чуть выше свалки обитали цепные и бездомные собаки, ниже склон убежал к воде. В залив врезалась галечная коса, усеянная китовыми костями. Ворон легонько коснулся перьями щеки мальчика:

— Смотри внимательно, Кайкако.

Колька всмотрелся. В свете закатного солнца свалка выглядела почти прекрасной.

Ржавое железо превращалось в сияющую медь, и казалось, что какой-то рассеянный великан рассыпал здесь сокровища. Но сейчас стояла ночь, и чёрное нагромождение бочек напоминало мёртвую китовую тушу. Внезапно взвыли и забесновались псы.

— Смотри, — шепнул Ворон.

Бочки ожили, начали подниматься и настраиваться друг на друга, пока не образовали гигантскую фигуру. Перестук пустых бочек складывался в заунывный речитатив: «Авиталгык... авиталгык... авиталгык...»

Колька увидел, что по склону спускаются тени, похожие на мать-девочку, привидевшуюся ему в ночь смерти матери. Каждая фигурка держит в ладонях плоску с горящим огоньком. Первая тень приблизилась к трансформеру из ржавых бочек, остановилась и резким движением выплеснула содержимое плоски. Громыкнуло: «Авиталгык!», — и над голубоватой тенью возникла такая же призрачная петля. Вторая тень замерла на миг и выплеснула содержимое плоски. «Авиталгык!» — салютовали ржавые бочки, и Колька увидел дуло, направленное на тень. Своей очереди дожидается третья фигурка. Колька обмер, узнав её по длинным и тонким, как у оленёнка, ножкам. Тень подошла к трансформеру, но Ворон раскатисто вскричал:

— Контр-р-акт!

Колька проснулся. Кровать Влады была пуста. Ах да, Влада же больше не ночует у бабушки! Колька вскочил и, как есть, в трусиках и маечке, босиком выбежал на улицу. Он нёсся к родительскому дому, не чувствуя ни холода, ни камней, ранящих его ступни. Мальчик влетел в комнату, которую делил с сестрой при жизни родителей. Та пустовала. Колька понёсся в коридор к туалету, распахнул дверь и увидел Владу. Сестра стояла на унитазе и затягивала вокруг шеи петлю из длинного отцовского ремня, прикрученного к потолочной трубе.

Влада уставилась на брата. И без того круглые её глаза ещё больше расширились от неожиданного вторжения. Колька своим небольшим умишком вдруг понял, что если сейчас ошибётся в слове, интонации, жесте, то будет конец. Авиталгык! А он слишком маленький, чтобы не ошибиться! Глаза резануло, точно в них плеснули кислотой, и Колька, молча, бросился лицом в колени сестры, а слёзы уже рвались из него безудержным потоком. Влада скинула с шеи петлю и прижала к себе братишку.

***

Когда брат и сестра вышли из туалета, в коридоре их подждал Ворон. «Это дух-хранитель Востока из бабушкиной сказки», — шепнул сестре Колька. Ворон степенно переступал по дощатым половицам, шествуя из конца в конец коридора. Он был очень похож на директора школы, и Колька с Владой одновременно прыснули. Ворон повернул к ним глянцевою голову, и брат с сестрой подавились смешками.

— Нар-рушение контр-ракта! — свирепо каркнул хранитель Востока. — Пр-ришёл дух смерти! Авиталгык!

Глядя в растерянные глазёнки Кольки и Влады, Ворон уяснил, что речь его произвела впечатление, но понята не была..

— Духи-хранители собираются раз в пятьсот лет, — вздохнув, начал Ворон.

Дети кивнули, об этом бабушка рассказывала.

— Последний раз мы встречались у небесного камня лет четыреста назад, и ничто не предвещало беды. Подлинные люди следовали закону, никто не нарушал контракта с жизнью без необходимости. Но сейчас на нашу землю пр-ришла настоящая беда! Людьюми завладел дух смерти! В моём восточном пр-ределе точно, — сокрушённо уточнил Ворон.

— Нужно отправиться в Северный предел, найти Белого Волка, рассказать ему обо всём, что здесь творится, и просить его помощи. Одному мне не справиться, Авиталгык очень силён! Мне необходимы вестники, которые видели неприглядную истину собственными глазами. Для того я и показал тебе всё, как есть, Кайкако, и не позволил, чтобы Авиталгык заполучил Владу, готовую нарушить контр-ракт.

Влада точно избавилась от наваждения. Приезжий-парень-строивший-дорогу исчез из её сердца, словно его выдуло порывом сильного морозного ветра. Внезапно Влада почувствовала, что Кольку сотрясает дрожь. Братишка по-прежнему оставался в трусиках и маечке, с пораненными о камни ступнями. Охнув, она потащила Кольку в комнату, уложила в постель, обмыла его ступни и натёрла их нерпичьим жиром. Натянула на ноги тёплые носки и уселась рядом.

Ворон вновь обратился к брату и сестре:

— Так вы согласитесь помочь? Подумайте хор-рошенько. Путь к Северному пределу пр-редстоит тр-рудный и опасный. При-ризнаюсь, я на вас рассчитываю, но р-решать вам.

Ребята молчали. Владу пугала перспектива путешествия по зимней тундре, но боялась она не столько за себя, сколько за брата. Колька же думал о матери-девочке, которую погубил Авиталгык. Об отце. О мальчике, отравившемся дурной водкой. О Владе в петле. И в нём зрела решимость.

Он сжал ладонь сестры, как делал всегда, когда бабушка заканчивала их любимую сказку. Это означало: «Мы — луораветланы». Влада кивнула и по праву старшей ответила за обоих:

— Мы согласны.